

Посвящается Терри

*Нам обоим однажды удалось избежать
худшего варианта развития событий*

Больше всего ребенок нуждается в любви тогда,
когда меньше всего ее заслуживает.

Эмма Бомбек

8 НОЯБРЯ 2000 ГОДА

Дорогой Франклин,

сама не знаю, почему сегодня одно мелкое происшествие побудило меня написать тебе. С тех пор как мы расстались, я, наверное, больше всего скучаю по возможности прийти домой и рассказать тебе про всякие странные мелочи, случившиеся со мной за день, — так кошка кладет мышь к хозяйским ногам: маленькие скромные подношения, которые пары предлагают друг другу, добыв их на разных задних дворах. Если бы ты все еще сидел в моей кухне, расположившись поудобнее, и толстым словом намазывал на ломтик цельнозернового хлеба арахисовое масло с кусочками арахиса, хотя уже почти время ужина, я бы вывалила тебе эту историю, едва успев поставить на пол пакеты (из одного течет нечто прозрачное и вязкое) и даже не поворчав, что на ужин у нас сегодня паста, так что, пожалуйста, не ешь этот сэндвич целиком.

Конечно, раньше мои рассказы были заграничной экзотикой из Лиссабона или Катманду. Но на самом деле никому не хотелось слушать истории про за границу, и по твоей характерной вежливости я понимала, что ты бы куда предпочел пустяковые истории, произошедшие где-нибудь поближе к дому: например, рассказ о необычной встрече со сборщиком пошлыны на мосту Джорджа Вашингтона. Чудеса из повседневной жизни помогали тебе укрепиться во мнении, что все мои поездки за рубеж были чем-то вроде жульничества. Мои сувениры — пакет чуть зачерствевших бельгийских вафель, британский эквивалент выражения «бессмыслица» («бред собачий»!) — искусственно пропитывались волшебством лишь благодаря лежавшему на них отпечатку дальних расстояний. Так же, как в тех безделушках, которыми обмениваются японцы — в коробочках, сложенных в пакетики, — весь блеск моих подношений из дальних стран заключался

8 в упаковке. Гораздо более серьезным достижением было бы порыться в вечно неизменном хламе штата Нью-Йорк и добыть пикантную историю из поездки в семейный супермаркет в Найаке*.

Именно там и произошла сегодняшняя история. Кажется, я наконец-то начинаю усваивать то, чему ты всегда меня учил: моя страна такая же экзотическая и даже опасная, как Алжир. Я бродила в отделе молочных продуктов, но мне там мало что было нужно — незачем. Я теперь не ем пасту, потому что нет тебя, чтобы расправиться с большей частью еды. Мне так не хватает удовольствия, с которым ты это делал.

Мне все еще трудно выходить в люди. Вроде бы в стране, которая так знаменита «отсутствием чувства истории», как утверждают европейцы, я могла бы извлечь выгоду из прославленной американской амнезии. Не тут-то было! Никто в местном «сообществе» не демонстрирует никаких признаков забывчивости, хотя прошел ровно год и восемь месяцев. Так что, когда у меня заканчиваются продукты, мне каждый раз приходится собираться с духом. Да, для продавцов в ближайшем продуктовом магазине на Хоупвелл-стрит во мне больше нет новизны, и я могу оплатить кварту молока без лишних глаз. Но вот поход в наш супермаркет «Гранд Юнион» по-прежнему напоминает прогон сквозь строй.

Там я всегда чувствую себя так, словно делаю все исподтишка. В качестве компенсации я заставляю себя выпрямиться и расправить плечи. Теперь я понимаю, что значит выражение «с высоко поднятой головой», и порой удивляюсь, насколько меняется внутреннее состояние, если идешь прямо, словно аршин проглотила. Когда мое тело стоит в горделивой позе, я чувствую себя пусть немного, но все же не такой униженной.

Раздумывая, купить ли крупные яйца или средние, я бросаю взгляд на полку с йогуртами. В паре метров от меня стояла другая покупательница; у нее были ухоженные черные волосы, седина у корней отросла на добрые пару сантиметров, а кудри остались только на кон-

* Маленький городок в штате Нью-Йорк. — *Зд. и далее прим. пер.*

чиках — химическая завивка была давно. Лавандовый топ и юбка того же цвета когда-то, наверное, выглядели стильно, но теперь блузка стала ей тесна под мышками, а баска на юбке подчеркивала тяжелые бедра. Наряд неплохо было бы погладить, а на плечах с подплечниками были видны следы от проволочной вешалки. Она достала эти вещи из нижней части шкафа, решила я: они из тех вещей, за которыми протягиваешь руку, когда все остальные грязные или валяются на полу. Когда женщина повернула голову в сторону плавленого сыра, я заметила, что у нее двойной подбородок.

Даже не пытайся угадать; ты ни за что не узнаешь ее в моем описании. Когда-то она была такой невротически гибкой, угловатой и лощеной, словно ее завернули в подарочную упаковку. Наверное, было бы романтичнее вообразить понесшего утрату человека исхудавшим, но полагаю, горевать в компании шоколадных конфет можно так же эффективно, как и сидя на одной воде. Кроме того, бывают женщины, которые продолжают одеваться элегантно и с лоском не столько для того, чтобы порадовать супруга, сколько для того, чтобы не отставать от дочери; благодаря нам сегодня у нее нет такого стимула.

Это была Мэри Вулфорд. Я не смогла встретиться с ней лицом к лицу, и я этим не горжусь. Я отвернулась. Руки у меня вспотели, пока я теребила упаковку яиц, проверяя, все ли они целые. Я сделала вид, будто только что вспомнила, что мне нужно что-то в другом ряду, и умудрилась, не оборачиваясь, положить яйца на детское сиденье в тележке. Притворившись таким образом, я удрала, не взяв тележку, потому что у нее скрипели колеса. Я перевела дух рядом с полкой супов.

Мне стоило быть к этому готовой, и частенько так оно и есть: я напряжена, насторожена, и как часто выясняется, совершенно напрасно. Но я не могу выходить из дома закованной в броню по любому пустяковому поводу, и кроме того, что мне теперь может сделать Мэри? Она уже сделала все возможное: затащила меня в суд. И все равно я не могла усмирить свое сердцебиение, не могла сразу вернуться в молочный отдел, хотя тут же осозна-

10 ла, что оставила в тележке мою вышитую сумочку из Египта, а в ней кошелек.

И это единственная причина, по которой я вообще не ушла из «Гранд Юнион». Через какое-то время мне придется прокрасться к своей сумке, а пока я медитировала на банки супа «Кэмпбелл» со спаржей и сыром, бесцельно раздумывая о том, в какой ужас пришел бы Уорхол от их нового дизайна.

К тому времени, как я прокралась обратно, берег был чист, и я рванула тележку, резко став занятой работающей женщиной, которой нужно побыстрее управиться с домашними делами. Вроде бы эта роль мне знакома, и все же я так давно не думала о себе в подобном контексте, что была уверена: люди у кассы впереди меня расценили мое нетерпение не как властность второго кормильца семьи, для которого время — деньги, а как слезливую панику поспешного бегства.

Когда я выложила на ленту свои разнокалиберные покупки, коробка с яйцами оказалась липкой, что заставило кассиршу ее открыть. Эх, Мэри Вулфорд все-таки меня заметила.

— Вся дюжина! — воскликнула девушка на кассе. — Я попрошу, чтобы вам принесли другую упаковку.

Я ее остановила.

— Нет-нет, — сказала я. — Я тороплюсь, возьму, какие есть.

— Но они же все...

— Возьму, какие есть!

Нет лучшего способа заставить жителей этой страны быть более сговорчивыми, чем притвориться несколько неуравновешенным человеком. Подчеркнуто промокнув бумажной салфеткой штрих-код на коробке, она просканировала яйца и, закатив глаза, вытерла салфеткой руки.

— *Качадурян*, — произнесла девушка, когда я протянула ей карту. Говорила она громко, словно для всех стоявших в очереди. День клонился к вечеру — подходящее время для смены старшеклассников, которые подрабатывают после школы. Ей, наверное, лет семнадцать — она могла бы быть одноклассницей Кевина. Конечно, в этом районе полдюжины школ, и ее семья, может, вообще

недавно переехала сюда из Калифорнии. Но судя по ее взгляду, это было не так. Она сурово уставилась на меня. 11

— Необычная фамилия.

Не знаю, что на меня нашло, но я так от этого устала. Не то чтобы мне не было стыдно. Скорее, я страшно устала от этого стыда, скользкого, словно эти липкие пятна от яичного белка. Такие эмоции ни к чему хорошему не приводят.

— Я — единственная Качадурян на весь штат Нью-Йорк, — с насмешкой сказала я и выхватила у нее свою карту. Она засунула мои яйца в пакет, и там они потекли еще сильнее.

В общем, сейчас я дома — ну, или в том месте, которое им считается. Ты, конечно, никогда здесь не был, так что позволь, я тебе его опишу.

Ты бы поразился. Не в последнюю очередь из-за того, что я решила остаться в Гладстоне — ведь я с самого начала подняла такой шум из-за переезда в пригород. Но мне казалось, я должна жить в таком месте, откуда можно добраться до Кевина на машине. Кроме того, хоть я и жажду безвестности, я все же не хочу, чтобы мои соседи забыли, кто я такая; я бы хотела сама об этом забыть, но такой возможности не даст ни один город. Это единственное место на свете, где во всей полноте ощущаются тяжелые последствия моей жизни, и мне сегодня гораздо важнее быть понятой, чем нравиться людям.

После выплат гонорара адвокатам у меня остались гроши, но их хватило бы на покупку скромного жилища. Однако мне подходила неуверенность, которую дает съемное жилье. Моя жизнь в этом игрушечном картонном дуплексе напоминает пробный брак между людьми разных темпераментов. Ох, ты бы пришел от него в ужас: хлипкая мебель из ДСП бросает вызов девизу твоего отца: «Материалы — это все». Но именно за то, что дом держится из последних сил, я его и ценю.

Все здесь шаткое и ненадежное. Лестница на второй этаж крутая, и у нее нет перил, она придает пикантность подъему в спальню с головокружением после трех бокалов вина. Полы скрипят, оконные рамы протекают, и вся атмосфера

12 в доме дышит хрупкостью и неуверенностью, словно в любой момент вся эта конструкция может погрузиться в небытие как некая неудачная идея. На первом этаже под потолком тянется провод, с которого свисают на ржавых вешалках для одежды крошечные галогеновые лампочки; они имеют склонность мигать, и этот дрожащий свет усиливает то ощущение неуверенности, которое пронизывает мою новую жизнь. Внутренности единственной телефонной розетки торчат наружу; моя ненадежная связь с внешним миром болтается на двух плохо припаянных проводах и часто прерывается. Хоть домовладелец и обещал мне нормальную плиту, я не против пользоваться электроплиткой, у которой не работает индикатор включения. Ручка двери с внутренней стороны часто отваливается, оставаясь у меня в руке. Пока что мне удавалось поставить ее на место, но заедающий язычок замка дразнит меня, словно намекая на мою мать, которая не могла выйти из дома.

Признаюсь также, что у моего дуплекса есть общая тенденция до предела растягивать ресурсы. Отопление слабое, от радиаторов поднимается его несвежее и поверхностное дыхание, и хотя сейчас всего лишь ноябрь, я уже выкрутила регуляторы на полную мощность. Когда я принимаю душ, то пользуюсь только горячим краном, не разбавляя струю холодной водой: температуры как раз хватает, чтобы я не дрожала, но понимание того, что выше она не поднимется, пронизывает мои омовения тревогой. Регулятор в холодильнике тоже стоит на максимуме, но молоко все равно прокисает через три дня.

Что касается декора, то он вызывает насмешку, и она кажется уместной. Нижний этаж грубо и на скорую руку выкрашен в ярко-желтый цвет, мазки небрежные, и через них проступает предыдущий слой белой краски, словно стены изрисованы мелками. Наверху, в моей спальне, стены выкрашены в цвет морской волны настолько полюбительски, словно это делал первоклассник. Этот маленький дрожащий домик кажется не совсем реальным, Франклин. И точно такой же чувствую себя и я.

И все же я надеюсь, что ты не испытываешь ко мне жальности — у меня нет намерения вызвать ее в тебе. Я могла бы найти более роскошное жилье, если бы хотела. Мне

тут в определенном смысле нравится. Тут все несе- 13
рѐзное, игрушечное. Я живу в кукольном домике.
Даже мебель тут нестандартного размера. Обеденный стол
доходит мне до груди, и поэтому я чувствую себя несовер-
шеннолетней; а маленький прикроватный столик, на ко-
торый я водрузила ноутбук, слишком низкий, чтобы было
удобно печатать; по высоте он больше подходит для того,
чтобы ставить на него кокосовое печенье и ананасовый
сок для детсадовцев.

Может быть, эта искаженная и детская атмосфера по-
может объяснить, почему вчера, в день президентских вы-
боров, я не голосовала. Я просто забыла. Мне кажется,
что все вокруг происходит так далеко от меня. И теперь,
вместо того чтобы явить твердый контраст с моей неорга-
низованностью, страна, кажется, присоединилась ко мне
в царстве сюрреализма. Подведены итоги голосования,
но, как в рассказе Кафки, никто словно не знает имени
победителя.

И у меня теперь есть эта дюжина яиц — вернее, то,
что от них осталось. Я вытряхнула их в миску и выловила
скорлупу. Если бы ты был здесь, я бы приготовила нам
отличную фриттату* с нарезанной кубиками картошкой,
кинзой и — главный секрет — чайной ложкой сахара.
Я одна, поэтому просто вылью их в сковородку, переме-
шаю, поджарю и буду угрюмо ковырять вилкой. Но я все
равно их съем. Было в этом поступке Мэри что-то та-
кое, что показалось мне — самую малость — довольно
элегантным.

Поначалу еда вызывала у меня отвращение. Навещая
маму в Расине, я позеленела при виде ее долмы, хотя она
весь день бланшировала виноградные листья и аккуратно
заворачивала в них начинку из баранины и риса. Я напо-
мила ей, что долму можно заморозить. На Манхэттене, ког-
да я торопливо пробежала мимо кулинарии на 57-й улице
по пути в юридическую контору Харви, от острого запаха
перченой пастромы** у меня словно переворачивался желу-

* Итальянский омлет с различными добавками.

** Мясной деликатес из говядины, блюдо еврейской кухни
Молдавии и Румынии.

14 док. Но потом тошнота прошла, и мне ее не хватало. Когда через четыре-пять месяцев я вновь начала испытывать голод — волчий голод, если честно, — то аппетит казался мне чем-то неподобающим. Поэтому я продолжала играть роль женщины, потерявшей интерес к еде.

Однако через год я поняла, что актерство мое было напрасным. Если я стану бледной и тощей, до этого никому нет дела. Чего я ждала? Что ты возьмешь меня за бока своими огромными руками, которыми можно обхватить лошадь, и поднимешь в воздух с суровым упреком, который вызывает тайный восторг у любой западной женщины: «Ты слишком худая»?

Так что теперь каждое утро с кофе я ем круассан и подбираю каждую крошку с блюда. Какая-то часть моих длинных вечеров уходит на методичное шинкование капусты. Я даже пару раз отклоняла те немногие приглашения сходить на ужин, которые все еще иногда звучат по телефону; обычно это друзья из-за границы, которые время от времени посылают мне электронные письма, но которых я много лет не видела. Особенно если они ничего не знают, а я всегда могу рассказать. Те, кто не в курсе, реагируют слишком бурно, а посвященные начинают почтительно запинаться и говорят приглушенным тоном, словно в церкви. Очевидно, что я не хочу пересказывать эту историю. Точно так же я не жажду молчаливого сострадания друзей, которые *не знают, что сказать*, и предоставляют мне выворачиваться наизнанку, поддерживая разговор. Но на самом деле придумывать отговорки о том, как я «занята», меня заставляет ужас от того, что мы закажем салат, нам принесут счет, а времени будет всего 8.30 или 9.00 вечера, и я вернусь в свой крошечный дуплекс, и мне там нечего будет шинковать.

Странно, что проведя столько лет в путешествиях для «Крыла Надежды» — каждый день новый ресторан, где официанты говорят по-испански или по-тайски, где в меню значатся севиче* и собачье мясо, — я так заикли-

* Блюдо латиноамериканской кухни: кусочки сырой рыбы или креветки, маринованные в соке лимона или лайма; подаются с помидорами и мелко нарезанным репчатым луком.

лась на этой жесткой рутине. Как это ни ужасно, но я напоминаю себе свою мать. Однако я не могу отклониться от этой четкой последовательности (кусочек сыра или шесть-семь оливок; куриная грудка, котлета или омлет; горячие овощи; одно печенье с прослойкой из ванильного крема; ровно полбутылки вина, не больше), словно я иду по гимнастическому бревну и один шаг в сторону заставит меня потерять равновесие и упасть. Мне пришлось отказаться от стручкового горошка, потому что готовить его недостаточно хлопотно.

Как бы то ни было, хоть мы больше и не вместе, я знаю, что ты беспокоился бы о том, ем ли я. Ты всегда об этом беспокоился. Благодаря мелкой мести Мэри Вулфорд сегодня вечером я хорошо поела. Не все нелепые выходки наших соседей оказывались столь утешительными.

Например, три галлона алой краски, разлитой по всей веранде, когда я еще жила в нашем доме в стиле ранчо для нуворишей (да-да, Франклин, нравится тебе это или нет — это был *дом в стиле ранчо*) на променаде Палисейд. Краска была на всех окнах и на двери. Они пришли ночью, так что к тому времени как я проснулась на следующее утро, она почти высохла. В тот момент, спустя месяц или около того после... — как же мне назвать *тот четверг*? — я подумала, что меня больше нельзя напугать или ранить. Наверное, это обыкновенное зазнайство — считать, что ты уже настолько дискредитирован, что сама полнота понесенного тобой урона служит тебе защитой.

Когда в то утро я повернула из кухни в гостиную, я осознала эту идею: что я невосприимчива к абсурду. Я ахнула. В окна лился солнечный свет — вернее, в те части, которые не были залиты краской. Он проникал и сквозь те участки, где слой краски был самым тонким, и бросал на кремовые стены комнаты огненно-красные отсветы, словно в кричащем интерьере китайского ресторана.

Я всегда придерживалась линии поведения, которой ты восхищался: смотреть в лицо своим страхам, хотя этот принцип я придумала еще в те дни, когда мои страхи заключались лишь в боязни потерять в чужом городе — какой пустяк! Чего бы я только не отдала сейчас, чтобы